

денция и т. д. — были подчинены церкви, и даже сама философия являлась не более, чем служанкой богословия. Подчеркивая то положение, которое церковь занимала в феодальную эпоху, Энгельс указывал, что она выступала в качестве наивысшего обобщения и санкции существующего феодального строя.¹

Неудивительно, что при этих условиях выступления против феодализма часто принимали форму выступлений против господствующей церкви и ее учения, форму религиозных ересей, ибо для того, „чтобы возможно было нападать на существующие общественные отношения, с них нужно было совлечь покров святости“.² Таким образом, в условиях феодальной эпохи ереси являлись одной из форм классовой борьбы, одной из форм протеста народных масс против существующих феодальных порядков. В то же время ереси занимали важное место в развитии средневековой общественной мысли.

В каждую историческую эпоху господствующими являются идеи того класса, которому принадлежит экономическая и политическая власть. В средние века в духовной жизни общества господствовали идеи класса феодалов. Феодальная идеология свое наиболее яркое выражение получила в учении феодальной церкви — католической в Западной Европе и православной в Восточной. Однако, несмотря на господство феодально-церковной идеологии, в народном мировоззрении феодальной эпохи имели место черты, по сути своей противостоящие этой идеологии.

На Руси отрицательное отношение народа к христианско-церковной идеологии находило свое выражение в двоеверии, в приверженности народных масс к старым языческим обрядам, против чего высшие иерархии православной церкви выступали в своих посланиях даже в XIV—XV веках. В какой-то степени формой оппозиции учению господствующей церкви являлись и те представления о христианской религии, которые запечатлелись в апокрифической литературе, пользовавшейся популярностью в народе.³ Свое критическое отношение к духовенству народ выражал в пословицах и поговорках, клеймящих алчность, порочность, развратную жизнь духовенства. Порою в народном творчестве встречались и отдельные проявления далеко идущего вольномыслия, как это имело место, например, в трактовке образа Василия Буслаева — бестрашного бунтаря, который „не верует ни в сон, ни в чох“ и во время поездки в Иерусалим смело нарушает религиозные традиции.⁴ Однако эти отдельные, иногда очень смелые проявления вольномыслия не сложились и не могли сложиться в систему внерелигиозных взглядов, не могли вылиться во внерелигиозное мировоззрение. Вследствие верховного господства религии во всех отраслях умственной жизни идеология, противостоящая господствующей феодально-церковной идеологии, также неизбежно должна была принять религиозную оболочку. Эта идеология находила свое выражение в еретических учениях, которые в условиях феодальной эпохи являлись одной из форм социального протеста, формой оппозиции господствующему феодально-церковному мировоззрению.

Ереси были известны на Руси с первых веков утверждения в ней христианской религии. Уже так называемый „Устав князя Владимира“, сложившийся к XII веку, и „Святительское поучение“ XIII века упо-

¹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. В кн. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 128.

² Там же.

³ История русской литературы, т. I. М.—Л., 1941, стр. 72—73.

⁴ Н. П. Андреев. Былины. Л., 1938, стр. 400—403.